

РАЗВЕДЧИКИ И ПРЕДАТЕЛИ:

Об эссе «Коллекционный экземпляр» Иосифа Бродского

«Коллекционный экземпляр» можно, пожалуй, назвать самым анти-советским произведением Иосифа Бродского. И хотя поводом для его написания стало весьма незначительное происшествие — в 1991 году в одном из магазинов Нью-Йорка на обложке «Лондонского книжного обозрения» (ЛКО) Бродский увидел марку с изображением советского разведчика Кима Филби — эссе затрагивает глобальные события того времени — распад СССР и триумф Запада, неожиданно для себя оказавшегося победителем во многовековом противостоянии.

Безусловно, в этих событиях Бродский выступает на стороне Запада, хотя, в отличие от него, видит в происходящем не только успех, но и подводные камни, которые в будущем способны нивелировать любые достижения. Именно поэтому поэт пытается предостеречь Запад от ошибок, которые могут дорого ему стоить. Хотя эссе написано на английском языке, в нем есть и то, что интересно русским читателям. Сегодня, через тридцать лет, уже можно сказать, что многое из того, о чем писал Бродский, стало реальностью.

Эссе было опубликовано в американском журнале «The New Republic» в апреле 1992 года под заголовком «Collector's Item: The Newer Meaning of Treason. Philby, England, Russia and a Postage Stamp» («Коллекционный экземпляр: новое значение предательства. Филби, Англия, Россия и почтовая марка»), который значительно превышает русский вариант.

Стоит отметить, что это довольно объемное произведение. Эссе включает 45 стандартных страниц машинописного текста. Очевидно, что при таком объеме тема, к которой обращается Бродский, была для него крайне важной. Он счел необходимым поделиться с западными читателями представлениями, которых они в силу своего рождения были лишены. А поэт, первая половина жизни которого прошла в Советском Союзе, мог им помочь. Не случайно в качестве эпиграфа к «Коллекционному экземпляру» Бродский выбрал китайскую пословицу «Если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть, как мимо проплывает труп твоего врага», которая должна была настроить западного читателя на соответствующее восприятие происходящего.

Эссе предшествует длинное вступление, в котором в свойственной ему манере Бродский размышляет о том, кому это послание предназначено. И, как всегда, не может прийти к однозначному выводу: «Учитывая бредовый характер нижеизложенного, — пишет Бродский, — излагать все это следовало бы на каком угодно языке, но не на английском.

Ольга Игоревна Глазунова — лингвист, литературовед, специалист по русскому языку как иностранному. Работает на филологическом факультете СПбГУ, доцент.

В моем случае, однако, единственным возможным вариантом был бы русский, источником этого бреда являющийся. Но кому нужна тавтология? Кроме того, предположения, которые я здесь собираюсь выдвинуть, в свою очередь, тоже достаточно бредовы, и будет поэтому лучше их ограничить пределами языка, обладающего репутацией аналитического». И этот язык не русский.

Предвидя вопросы будущих читателей и их недовольные возгласы: «Да кто он такой, этот автор?», Бродский признается в том, что он «и сам не знает, кто он такой». «„Ты кто такой?“ — задает он себе вопрос на двух языках и изумляется не меньше твоего, услышав, как его собственный голос бормочет в ответ нечто вроде „да почему я знаю!“ Помесь, дамы и господа! К вам обращается помесь. Или кентавр». Образ кентавра, в котором соединяется несоединимое, раскрывает в поэзии Бродского представление поэта о самом себе в эмиграции. «Я даже не детектив-любитель, — продолжает поэт, — просто собираю на досуге все эти обрывки в нечто единое, и не из любопытства даже, а чтобы заглушить приступ сильного отвращения, вызванного видом заглавной страницы вышеупомянутой литературной газеты».

И тут мы переходим к главному — к образу Кима Филби, который стал для поэта источником этого самого отвращения — столь сильного, что размышления о нем вылились в десятки страниц текста, изобилующего гневными обвинениями. Причина этого, по словам автора, заключается в его прошлом. «Я, например, — пишет Бродский в „Коллекционном экземпляре“, — всегда считал шпионаж наиболее смрадным из всех видов человеческой деятельности — наверное, прежде всего оттого, что рос я в стране, содействие интересам которой было для ее уроженцев немыслимо. Для этого и вправду нужно было быть иностранцем. Поэтому-то, наверное, страна так гордилась своими мусорами, попутчиками и тайными агентами, увековечивая их всеми мыслимыми средствами, почтовые марки, мемориальные доски и памятники включая. О, все эти Рихарды Зорге, Пабло Неруды, Хьюлеты Джонсоны и прочая, вся эта макулатура нашей юности!»

Неприкрытая ненависть, с которой поэт вдруг заговорил о стране, в которой он родился и вырос, должна иметь объяснение. Конечно, Бродский как поэт был человеком эмоциональным и в данном эссе мог себе позволить дать волю чувствам. И не только своим, ведь большая часть его окружения в СССР придерживалась тех же взглядов, и даже в гораздо большей степени, чем сам автор, которому на этот счет они иногда предъявляли претензии.

Например, израильский литературовед Зеев Бар-Селла (Владимир Петрович Назаров), размышляя об отношениях Томаса Венцловы и Иосифа Бродского, пишет: «Разошлись пути двух диссидентов — империалиста и сепаратиста... литовского поэта и представителя Русской Империи Иосифа Бродского (странно подумать, что до этого еврея настоящего империалиста в русской литературе не было!)»¹ Об этой цитате (правда, приводя ее в искаженном виде) упоминает и Ася Пекуровская в книге «„Непредсказуемый“ Бродский» (М.: Алетей, 2017).

Да и в США наши бывшие соотечественники не раз упрекали Бродского в довольно пренебрежительном отношении к эмигрантам из СССР, которые в конце прошлого века хлынули в Америку в поисках лучшей жизни. «Как Янус, Бродский был обращен на две стороны разными ликами: предупредительный к американцам и пренебрежительный к эмигре, демократ и тиран», — таково было мнение о нем тех, кто жил рядом с ним»².

Для них — той самой «большой части» друзей юности Бродского — разговоры об «этой стране» не в уничижительном ракурсе считались постыдными. Смысл своего

¹ Бар-Селла З. Толкования на... // Двадцать два. 1982. № 23. С. 231.

² Соловьев В. Быть Сергеем Довлатовым. М.: РИПОЛ классик, 2014. С. 68.

существования они видели в том, чтобы изменить страну, приспособив ее под себя лично, как это уже было в 1917-м. Или (и это свидетельствовало о наступлении совершенно нового этапа) уехать на Запад, дабы иметь возможность пользоваться атрибутами западной жизни, которую до отъезда они могли видеть исключительно в советском кинематографе, да и то в искаженном виде. «О, все эти фильмы, снятые в Эстонии или Латвии (ради „западного“ антуража)! Иностранная фамилия и неоновая вывеска „Hotel“ (всегда вертикально, никогда — горизонтально), иногда — скрип тормозов машины чешского производства», — вспоминает Бродский в «Коллекционном экземпляре».

Эти самые атрибуты западной жизни (американские сигареты, бары, джаз-банды, обильная еда, красивая одежда и роскошные машины) для многих переселенцев стали новой и главной ценностью — той самой «макулатурой их зрелого возраста», которая вытеснила из сознания советские представления о «Рихардах Зорге, Пабло Нерудах, Хьюлетах Джонсонах» и многом другом. Правда, не все смогли с этим справиться, для некоторых последствия замещения советских ценностей западными стали весьма удручающими.

Достаточно вспомнить Владимира Буковского, эмигрировавшего на Запад в 1971 году и ставшего там известным благодаря своим разоблачениям практики карательной психиатрии в СССР. В октябре 2014 года во время обыска британская полиция обнаружила в его доме в Кембридже фото и видео с детской порнографией. В суде ветеран-диссидент советской эпохи Владимир Буковский заявил, что скачивание свыше 20 тысяч непристойных изображений с участием детей было для него хобби, «подобным коллекционированию марок», — пишет «Daily Telegraph»³.

Попытка оправдать себя в глазах общественности приравнением детских порнографических снимков к маркам, которые, по словам Бродского, утверждали в СССР «правоту системы посредством описания подвигов, совершаемых ради нее за ее пределами», имеет к обсуждаемой нами теме прямое отношение. Интересно, а что «утверждали» непристойные изображения детей в представлениях Буковского. Свободу «личности»? Западную «демократию»?

Не случайно третью волну эмигрантов из СССР за границей не жаловали, презрительно называя «колбасной». И Бродский, как никто другой, понимал это. «Типичные представители третьей волны эмиграции», — говорил он, представляя своих друзей в Америке. А потому тема предательства, которую поэт поднимает на страницах «Коллекционного экземпляра», не может ограничиваться судьбой одного или нескольких человек, она имеет глубокие корни.

Но вернемся к главному герою эссе Бродского — к Киму Филби, при взгляде на изображение которого поэт испытал столь сильное чувство отвращения, что посвятил его описанию 45 страниц машинописного текста. «Ким Филби был англичанин, — пишет Бродский, — и он был шпион. Он работал в Британской разведывательной службе <...>, но работал он на русских».

Да мало ли шпионов на свете, спросите вы. Ведь не один Филби работал на русских. Тогда почему именно он привлек столь пристальное внимание поэта? То объяснение, которое дает Бродский: «Я, например, всегда считал шпионаж наиболее смрадным из всех видов человеческой деятельности — наверное, прежде всего оттого, что рос я в стране, содействие интересам которой было для ее уроженцев немислимо», в данном случае выглядит недостаточно убедительным.

³ „Downloading child abuse images was hobby, like stamp collecting“ for Russian dissident, court hears // Daily Telegraph. 12th of Desember, 2016. Интернет-ресурс: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/12/russian-dissident-tells-court-downloading-child-abuse-images/>

Но есть в этом объяснении и нечто важное: для Бродского любое сотрудничество с КГБ было абсолютно неприемлемым. Как и с ЦРУ. В самом начале своей эмиграции Бродский отправил письмо в «Нью-Йорк таймс», в котором, с одной стороны, объяснил причины отъезда из СССР, а с другой — изложил свою позицию относительно жизни в Америке: «Мне предложили уехать, и я это предложение принял. В России таких предложений не делают. Если их делают, они означают только одно. Я не думаю, что кто бы то ни было может прийти в восторг, когда его выкидывают из родного дома. Даже те, кто уходят сами. Но независимо от того, каким образом ты его покидаешь, дом не перестает быть родным. Как бы ты в нем — хорошо или плохо — ни жил. И я совершенно не понимаю, почему от меня ждут, а иные даже требуют, чтобы я мазал его ворота дегтем. Россия — это мой дом, я прожил в нем всю свою жизнь, и всем, что имею за душой, я обязан ей и ее народу. <...> Я не позволял себе в России и тем более не позволяю себе здесь использовать меня в той или иной политической игре. Я не собираюсь объяснять *urbi et orbi*, что такое Россия, не собираюсь никому „открывать глаза“. Я не репрезентативен, и я не журналист, не ньюзмен. У меня нет материала для сенсаций»⁴.

Это было сказано в 1972 году, сразу после отъезда Бродского в эмиграцию. А через двадцать лет появился «Коллекционный экземпляр», в котором взгляды поэта изменились полностью. И было бы крайне опрометчиво объяснять его лютую ненависть к Филби неприятием шпионажа вообще. Ведь это отвращение не распространяется, например, на Олега Пеньковского — «сотрудника ГРУ, который в 1960-х годах выдал советские военные тайны англичанам».

В «Коллекционном экземпляре» Бродский пересказывает описание казни Пеньковского, которое со свойственным ему пренебрежением к фактам изложил другой украинец, бывший сотрудник резидентуры ГРУ Владимир Богданович Резун, бежавший в Великобританию в 1978 году и зарабатывающий там хлеб публикациями под псевдонимом «Виктор Суворов». Неужели проблема Филби была только в том, что «он работал на русских»? Или в чем-то другом?

Филби был аристократом. Данный факт, как ни банально это звучит, является ключом к пониманию его мотивов. Невозможно представить Кима Филби в качестве спекулянта или того, кто будет унижаться, выпрашивая приглашение на вечеринку к начальству. А вот Пеньковский этим не брезговал. «В Анкаре он продавал на местном рынке ювелирные украшения, фотоаппаратуру. Ему были нужны деньги на сувениры многочисленным „нужным людям“ в Москве»; он «бегал по дипломатическим приемам», а также регулярно информировал турецкую контрразведку «о тайной деятельности своих коллег»⁵.

Характеристика Пеньковского за подписью его непосредственного начальника в Турции выглядит удручающе: «мстительный, злобный человек, беспримерный карьерист, способен на любую подлость»⁶. А вот о Киме Филби такого никто сказать не мог — ни в России, ни на Ближнем Востоке, ни в Великобритании, ни в США. После смерти Филби в 1988 году английская газета «Citizen» писала: «Он был тверд в своей вере, абсолютно предан своим идеалам, последователен в действиях. Все это было направлено на создание и укрепление коммунистического влияния во всем мире». Даже на Западе не могли упрекнуть Филби в том, что он работал на СССР за деньги⁷.

⁴ Бродский И. А. Писатель — одинокий путешественник... (Письмо в «Нью-Йорк таймс») // Звезда. 2000. № 5. Интернет-источник: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/5/pisatel-odinokij-puteshestvennik-pismo-v-nyu-jork-tajms.html>

⁵ Север А. История КГБ. М.: Алгоритм, 2008. С. 164.

⁶ Батурицкий В. Д. Шпион, который хотел взорвать мир // Правда. 1994. 11 марта.

⁷ Долгополов Н. М. Легендарные разведчики. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 269.

Столь явную предвзятость со стороны Бродского можно было бы объяснить тем, что отца Кима Филби обвиняли в антисемитизме⁸. Правда, никаких фактов, подтверждающих это, не было. Но ведь не было и фактов, подтверждающих описанную в книге Владимира Резуна, а затем перенесенную в «Коллекционный экземпляр» казнь Олега Пеньковского. И это не остановило поэта: в психологии, как и в информационной войне, отсутствие фактов значения не имеет.

Нельзя забывать о том, что для аристократической Британии того времени антисемитизм был нормой. Конечно, существенное влияние на него оказала «еврейская составляющая коммунистического движения». Но не она одна: ведь «антисемитизм в высших классах общества находил проявление не только в контексте реакции на большевистскую революцию, но и в многочисленных мимолетных замечаниях, свидетельствующих об огульном обвинении евреев»⁹.

Именно антисемитизм стал причиной оказания британскими правительственными кругами (включая королевскую семью) поддержки Гитлеру с самого начала его прихода к власти и практически до 1939 года. Об этом сегодня предпочитают забыть, но не всегда получается: в 2015 году британские таблоиды опубликовали видеозапись 1933—1934 годов, на которой будущая королева Елизавета II и ее мать вскидывают руки в нацистском приветствии.

Настроения в высших кругах Британии влияли на настроения остальных членов общества. Например, на видео 1938 года британские футболисты перед матчем Германия—Англия в Берлине вместе с немцами выбрасывают вперед руки, приветствуя Гитлера. Однако Бродский, который не раз бывал в Англии, никогда об этом не упоминал. А потому предположение об антисемитизме как причине его ненависти к Филби представляется маловероятным.

Видимо, Бродский и сам понимал уязвимость своей позиции по отношению к Киму Филби, поэтому в качестве дополнительного объяснения он приводит в эссе эпизод из собственной жизни. Ибо «что есть любое отвращение, в том числе и отвращение к шпионам, если не скрытый невроз, отзвук какой-то детской травмы? Сначала — терапия, после — этика», — пишет Бродский. Приведенный в эссе эпизод с выслеживанием заподозренной в неверности возлюбленной, с одной стороны, дает возможность поэту расширить тему — перевести разговор о предательстве с межгосударственного на более понятный бытовой уровень, а с другой — перейти к обсуждению его причин и следствий.

Осознание Бродским, шпионившим за возлюбленной, всей низости своего поведения заставляет его остановиться на полдороге, развернуться и уйти. Точно так же значительно позже, уже в Америке, он развернулся и ушел из книжного магазина, увидев на обложке журнала марку с изображением Кима Филби. Сходство реакций и в том и другом случае наводит на мысль, что эти ситуации для Бродского связаны самым тесным образом. Если в книжном магазине причиной столь резкого разворота поэта было отвращение к Филби, то в ситуации с преследованием возлюбленной — отвращение к самому себе.

«Подлинная причина, почему я остановился, — писал Бродский, вспоминая об эпизоде с возлюбленной, — заключалась в том, что я вдруг осознал характер своего возбуж-

⁸ Барроуз М. Будущее: рассекречено: Каким будет мир в 2030 году. Пер. с англ. М. Гескиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. С. 221.

⁹ „Upper-class anti-Semitism not only manifested itself in the context of the reaction against the Bolshevik revolution, but in the numerous passing remarks indicating a sweeping indictment of the Jewish race“ (Lebzelter G. Political Anti-Semitism in England 1918—1939 / Hostages of Modernization: Studies on Modern Antisemitism, 1870—1933/39. Germany — Great Britain — France. Ed. Herbert A. Strauss. Published by Walter de Gruyter; Berlin; New York, 1993. С. 401). Перевод мой. — О. Г.

дения. Это была радость охотника, преследующего добычу. Другими словами, в этом было нечто атавистическое, первобытное. Это осознание не имело ничего общего с этикой, угрызениями, табу и тому подобным. Меня нимало не смущало, что я поставил свою девушку в положение добычи. Просто я наотрез отказывался быть охотником».

Но Бродский отказывался быть и жертвой. Роль, которую в США так охотно разыгрывали эмигранты из СССР, пытаясь монетизировать свои «былые страдания», была для него абсолютно неприемлемой. В разговоре с Адамом Михником Бродский объяснил свое состояние следующим образом: «Когда я приехал в Штаты, то сказал себе: веди себя так, словно ничего не случилось, в противном случае станешь жертвой. Главное, не позволяй себе стать жертвой, даже когда таковой и являешься»¹⁰.

И не превращай в жертву тех, кого любишь, потому что в этом случае ты ничем не будешь отличаться от государства, преследующего своих граждан. А если так, то с течением времени ты с легкостью, даже не осознавая того, можешь сменить амплуа и выступить в роли палача. Для того, чтобы выжить («низшие организмы жизнеспособней сложных»), или для того, чтобы позлорадствовать.

«Нет в России палача, который бы не боялся стать однажды жертвой, нет такой жертвы, пусть самой несчастной, которая не призналась бы (хотя бы себе) в моральной способности стать палачом», — писал Бродский в эссе «Меньше единицы». Охотившиеся за шпионами контрразведчики поэту столь же отвратительны, как и сами шпионы. Каждый из них работает на свое или чужое государство, а потому лишен свободы выбора и вынужден принимать правила игры, навязанные извне.

Когда государство — само по себе, и ты — сам по себе, это, по мнению Бродского, единственно возможное состояние «зрелой личности». «Внутреннее нежелание превращаться в охотника, способность осознать и обуздать охотничий импульс связаны с чем-то более глубинным, нежели темперамент, воспитание, нравственные ценности, приобретенные знания, вероисповедание или индивидуальные представления о чести. Они, — по мнению Бродского, — связаны со степенью индивидуальной эволюции, с эволюцией нашего вида вообще, с достижением того ее этапа, когда назад вернуться ты уже не способен. И шпионы вызывают отвращение не столько тем, что их ступень на эволюционной лесенке низка, но тем, что предательство заставляет вас сделать шаг вниз». Предательство любимого человека или предательство своей страны — разницы нет.

Что бы государство ни сделало, нельзя считать себя его жертвой, потому что мысль о жертвенном положении лишает тебя силы и возможности думать: «В момент, когда вы возлагаете вину на что-то, вы подрываете собственную решимость что-нибудь изменить» («Речь на стадионе», 1988).

А теперь о главном — о том, что не давало покоя Бродскому, что выбило его из колеи, заставив разразиться гневной тирадой даже в адрес Запада, чего он себе обычно не позволял. «Кто бы ни был человек, отдавший приказ выпустить эту марку, он вне всякого сомнения, хотел этим что-то заявить, — начинает свои размышления Бродский. — В особенности учитывая нынешний политический климат, потепление в отношениях между Востоком и Западом и проч. Наверняка решение это было принято наверху, в священных кремлевских палатах, поскольку Министерство иностранных дел наверняка всеми силами этому противилось, не говоря уже про Министерство финансов — какие они там ни на есть».

И здесь Бродский абсолютно прав. Вряд ли первый министр иностранных дел постсоветской России Андрей Козырев, известный на Западе как «мистер ДА» в силу того,

¹⁰ Самый дерзкий вызов власти — не интересоваться ею. Интервью И. А. Бродского А. Михнику (Журнал «Magazin», приложение к «Gazeta Wyborczej». № 3, 20 января 1995 года) / Иосиф Бродский. Большая книга интервью. Сост. В. П. Плухина. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Захаров, 2000. С. 658.

что откровенно лоббировал западные интересы, мог на такое отважиться. Он в то время был занят другим: уговаривал Ельцина передать японцам Курильские острова и выводил из Германии советские войска — выводил в чистое поле вместе с семьями на унижайнейших для России условиях. Как писал Александр Хинштейн: «Американцы выводили из Филиппин три бригады на протяжении 12 лет, а мы — вывели три армии, полмиллиона человек — в считанные дни»¹¹. Выводили, прогибались, поддакивали, пытались найти «свой путь развития».

Время действительно было непростым: «Лето 1991 года. Август». Это единственная в эссе конкретная дата. Во всех остальных случаях при указании времени Бродский прибегает к забавным иносказаниям: «в тысяча девятьсот немилесятю»; «в тысяча девятьсот сисьдесят старом или около того»; «надцатого мартабрю тысяча девятьсот вездесят мятого года»; «в тысяча девятьсот шорох письмом»; «в тысяча девятьсот вездесят мятом».

Называя дату «Лето 1991 года. Август», Бродский перечисляет события, которые в то время занимали умы американских читателей: «Элизабет Тейлор в восьмой раз собирается направиться к алтарю»; «В Милуоки задержали убийцу-рецидивиста». Об августовском путче в Москве, целью которого было отстранение Горбачева от власти, чтобы предотвратить распад СССР, в эссе — ни слова. Только презрительная ремарка о «Великом Российском Попрошайке», который «болтается в Лондоне, и камеры тарашатся в его пустую, так сказать, миску».

Безусловно, речь в данном случае идет о Михаиле Горбачеве, который в июле 1991 года приехал в Лондон на встречу G7. Однако презрительное наименование Бродского с полным правом можно отнести и к Борису Ельцину, для которого эпитет «всероссийский» в то время был более уместен. Не стоит забывать и о «всероссийском старосте» — Михаиле Калинине, который вошел в историю как человек суетливый, «декоративный» и крайне бесполезный, с которым никогда нигде не считались.

«Чем больше перемен, тем больше все по-прежнему. — замечает Бродский. — Как с погодой. И чем сильнее все стремится остаться по-прежнему, тем крупней перемены. Как с физиономией. Судя по этой самой погоде, год вполне мог бы быть 1891-м». Последнее замечание Бродского не случайно. В 1891 году двадцать губерний Центральной, Юго-Восточной и Приволжской России охватил страшный голод. Неурожай продолжился и в 1892 году. В результате «голод, эпидемии холеры и тифа по официальным данным уменьшили население России на 1 млн. человек»¹².

Стоит признать, что события 1991 года стали для России гораздо более катастрофическими по последствиям. Доктор экономических наук Н. А. Кричевский приводит на своей странице цифры, основанные на данных переписей населения 1979, 1989, 1999 годов. Согласно им, Россия «потеряла за „ельцинское“ десятилетие 20,4 млн. человек — 18,9 % взрослого населения»¹³. И это только Россия. Немало жизней унесли и страшные межнациональные конфликты на Кавказе и в бывших советских республиках. Даже если указанная цифра завышена, она все равно впечатляет, потому что сопоставима с потерями в результате сталинских репрессий и с количеством жертв во время Великой Отечественной войны. Таким образом, события 1991 года и последовавший за ними распад СССР, которые либеральная общественность и Запад превозносили как триумф свободы и демократии, обошлись России слишком дорого — людей, несмотря на пафосные лозунги, по-прежнему не жалели.

¹¹ Хинштейн А. Е. Как убивают Россию. М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 131.

¹² Пантин В. И. Второй социально-экологический кризис в России: причины и последствия // Общественные науки и современность. 2001, № 2. С. 118.

¹³ nkrichevsky (Кричевский Н., 2013) Статистика вымирания нации в лихие 90-е // Живой журнал. Запись от 12 ноября, <https://nkrichevsky.livejournal.com/6569.html>.

По мнению Бродского, «география (и в частности, география европейская) оставляет истории мало вариантов. У страны, особенно крупной, их только два. Либо она — сильная, либо — слабая. Рис. 1: Россия. Рис. 2: Германия». И Россия, считает поэт, которая на протяжении нескольких столетий «стремилась быть большой и сильной», «к 2000-му году окажется там же, где была в 1900-м, и примерно с тем же периметром. Там же окажется и Германия».

Учитывая тот факт, что к 1900 году Германия стала крупнейшей экономикой Европы и второй по величине после США, мысль Бродского можно назвать пророческой. Россия же к 2000 году потеряла не только окраинные губернии со всей инфраструктурой и вложенными в них инвестициями, но и свои собственные земли, значительная часть которых при советской власти была передана Украине: Лениным в 1922 году, Сталиным в 1938-м и 1945-м, и Хрущевым в 1954-м. Относительный показатель душевого производства ВВП в России упал с 96,7 % от среднемирового уровня в 1913 году до 66,1 % в 1998 году¹⁴.

После перестройки раздавленная и обескровленная Россия оказалась в полной зависимости от Запада. А «руку, тебя кормящую, не кусаешь», — замечает Бродский в «Коллекционном экземпляре». И здесь он тоже абсолютно прав. Пришедшие к власти в то время в России политики готовы были лизать эту самую руку. Правда, не все им удалось сделать: например, Курильские острова так и не были переданы Японии. Вмешался КГБ — тот самый, о котором Бродский написал: «Или — кусаешь? Да, кусаешь, если у тебя зубы Комитета государственной безопасности, того самого КГБ, который, во-первых, по размерам больше обоих этих министерств вместе взятых — и не только по числу сотрудников, но и по месту, занимаемому им в сознании и подсознании как власть предрежащих, так и вовсе ее лишенных».

Мысль о том, что марка с изображением советского разведчика Кима Филби, выпущенная в СССР в 1990 году, должна была стать еще одним напоминанием Западу о КГБ, взбесила поэта, полагавшего, что теперь со всем, что имело отношение к советской власти, в России покончено.

Однако самое большое возмущение Бродского вызвало даже не то, что эта марка появилась, а то, что ее поместили на обложку «Лондонского книжного обозрения». И не просто поместили, а дали в таком масштабе, который эту идею возносил до небес. «День был жарким, и на секунду мне почудилось, — пишет Бродский, — что марка с журнальной обложки так вот и будет расти и перерастет Бельсайз-парк, Хемпстед, и будет становиться все больше и больше».

Размеры марки, вызвавшие в памяти поэта воспоминания о неограниченном влиянии КГБ, привели его в бешенство. Как мог редактор журнала позволить себе такое и как мог сотрудник выполнить его просьбу? «„Увеличить“, — говорит редактор, и ты резво маршируешь в лабораторию. Уменьшить нельзя, правда? Просто в голову не придет. В наши дни стоит нажать кнопку — и вещь увеличится или уменьшится. До натуральных размеров или до размеров вши. Нажми еще раз — и вошь исчезнет. Вымерла. Нет, редактор просит другого. Он хочет, чтоб в натуральную величину. Крупно».

В мае 1991 года Бродский был избран американским поэтом-лауреатом. Его предшественник на этом посту Марк Стрэнд вспоминал: «Кое-кто из американских поэтов возражал против его назначения поэтом-лауреатом, но я напомнил им, что у Иосифа американское гражданство, и он имеет такие же права, как и они. Я не думаю, что нужно родиться здесь, чтобы быть американцем. Нужно чувствовать себя американцем, чтобы быть американцем, и я думаю, что Иосиф Бродский чувствует себя американцем»¹⁵.

¹⁴ Илларионов А. Н. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. 2000, № 1. С. 7.

¹⁵ Полухина В. Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского. Хронология жизни и творчества. Томск: ИД СК-С, 2012. С. 360–361.

И Бродский чувствовал, и так же, как американцы, злорадствовал по поводу распада СССР: «Жалко, нельзя ее (марку с изображением Филби. — О. Г.) сделать объемной! И жалко, что, нажимая кнопку увеличения, ты не знаешь, что меньше чем через три недели вся та вещь, ради которой этот человек старался всю свою жизнь, разлетится на куски». Или: «...у собирателей выше всего ценятся марки, выпущенные политически или географически эфемерными территориями — недолговечными или прекратившими существование государствами, невзрачными владениями и клочками земли. <...> Так что, если следовать этой филателистической логике, то выпуск марки с Филби — это как бы голос из будущего, СССР поджидающего. Так или иначе, в его будущем есть нечто такое, что, в лице КГБ, на это напрашивается».

Напрашивается на уничтожение?! Поразительное замечание. В духе сталинского «Лес рубят — щепки летят». Выходит, что западный индивидуализм мало чем отличается от восточной тирании: он тоже требует жертв, если, конечно, эти жертвы не затрагивают его лично. Бродского жертвы России уже не трогали. Родители его умерли, друзья, если они и остались в России, могли сами приехать к нему в Америку. К началу 90-х поэт сделал свой окончательный выбор и определился с приоритетами. Точно так же, как в свое время этот выбор сделал Ким Филби, которому Бродский почему-то в праве на него отказывал.

Вполне вероятно, что в 1991 году нобелевский лауреат Иосиф Бродский просто не захотел быть среди побежденных, а потому с таким ожесточением отзывался обо всем, что было связано с Советским Союзом. (Не это ли стало причиной нежелания поэта возвращаться в Россию даже после смерти?) А может, он наслаждался чувством морального превосходства: ведь то, что он так ненавидел в СССР, уходило на свалку истории. И ему очень хотелось, чтобы об этой «свалке» забыли. А марка с изображением Кима Филби — это «билет» в бессмертие, которого у «шпиона» Филби, по мнению Бродского, быть не должно.

Здравый смысл и чувство стиля в этом эссе изменяют поэту до такой степени, что он готов плясать на костях, причем в буквальном смысле этого слова. «Может, следует попытаться эксгумировать эти нечестивые останки (Кима Филби. — О. Г.) и вывезти их в Британию? <...> Или, может, почтовое управление Ее Величества должно выпустить антимарку с текстом типа: „Английский предатель Ким Филби (1912–1988)“ — по-английски, разумеется, а потом посмотреть, перепечатает ли ее какая-нибудь газета в России?» — не унимается Бродский.

Очевидно, что в данном случае в качестве противника СССР поэт рассматривает не только Британию: с Советским Союзом боролись консолидированно — всем Западом. И всем Западом, включая Бродского, оказались среди победителей. А Ким Филби, несмотря на весь свой ум и профессионализм, оказался среди побежденных. Вместе с Советским Союзом.

Но если уж обобщать, то делать это надо последовательно, тем более что слову *treachery* (предательство) Бродский посвящает целый раздел «Коллекционного экземпляра». «Замечательное английское слово, а? Скрипучее, как доска, перекинутая через пропасть. В смысле звукоподражания — покрепче этики. Это — акустика табу. Потому что границы племени определяются прежде всего его языком. Если слово тебя не останавливает, значит, не твое это племя».

Филби не остановило. «Когда я был девятнадцатилетним студентом, — вспоминает он, — я старался сформировать свои взгляды на жизнь. Внимательно осмотревшись, я пришел к простому выводу: богатым слишком долго чертовски хорошо живется, а бедным — чертовски плохо и пора все это менять. Английские бедняки в то время считались фактически людьми низшего сорта»¹⁶.

¹⁶ Филби К. Моя тайная война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1989. С. 205.

Является ли эта причина веской? Для меня — да. Но не будем выстраивать параллели между словами Филби и забывчивостью Бродского, которые здесь напрашиваются. Иначе отвлечемся от темы и зайдем слишком далеко в своих выводах.

Размышления о слове *treachery* в эссе сопровождаются подробным описанием психологических нюансов, которые должны возникать в сознании каждого носителя английского языка при его восприятии. Цель Бродского очевидна: заставить англоязычных читателей вернуться на путь истинный, задуматься о том, как недалековидно они поступают, помещая изображение Кима Филби на обложку своего «Книжного обозрения».

Хотя если подумать, то предательство англичанина ничем не отличается от предательства представителя любой другой национальности. Точно так же английское слово *treachery* по силе психологического воздействия мало чем отличается от русского *предательство*, включающего рычаний [p'] и скопления взрывных согласных. (Если говорить об акустике, то русское *предательство* даже «покрепче» будет.) Но дело здесь не только в акустике, главная проблема — в психологии.

Для тех, кто всю жизнь привык думать только о себе, любой поступок, за исключением нанесения вреда себе и своим близким, всегда находит оправдание, а потому предательством не считается. Например, никто в России не собирается каяться за людские потери 90-х годов, которые стали следствием патологического эгоизма и недалековидности «демократов», а также преступных действий Ельцина и его «реформаторов», преследующих свои корыстные цели. Наоборот: после достижения этих целей они весьма настойчиво призывают к покаянию других.

Вот и Бродский в эссе с удивительным упорством настаивает на том, что в основе работы Филби на СССР лежали низменные мотивы («шпион выбирает стать шпионом не более чем ящерица — свою пигментацию: просто ничего другого им не дано», или следует «атавистическому» «инстинкту» охотника, «преследующего добычу»). Так ли это?

«Работая на СССР, Филби исходил исключительно из идеологических соображений. Вот, что говорит об этом еще один испанский исследователь его биографии — Хуан Караско. — Он работал по идеологическим причинам — во имя идеалов социализма и коммунизма. Это объяснялось тем, что СССР 30-х годов для многих людей левых убеждений являлся олицетворением их идеалов»¹⁷.

Сегодня слова Хуана Караско звучат достаточно пафосно, но даже в этом случае разница между Кимом Филби и Олегом Пеньковским очевидна: один сделал свой выбор в пользу идеалов (пусть даже и призрачных), другой — в пользу «колбасы» и комфортной жизни.

Джон Ле Карре в разговоре с Валентиной Полухиной об эссе «Коллекционный экземпляр» заметил, что причина нападок поэта на Филби заключалась в том, что Бродский «не понял постколониальной анархии, которая царил в этом поколении»¹⁸. Да он и не мог понять, потому что ни в эпоху СССР, ни после его развала никому даже в голову не приходило говорить о России как о государстве, которое грабило остальные народы по примеру Великобритании.

В отличие от Запада Россия не выкачивала средства из территорий, на которые распространяла свое влияние, а вкладывала в них: развивала экономику, строила дороги, больницы, университеты, лечила и учила, создавала и поддерживала интеллигенцию там, где ее никогда не было. Ни унижения национального достоинства, ни высокомерия по отношению к тем, кто проживал на этих территориях, не наблюдалось. Наоборот — туда отдавали последнее.

¹⁷ Черепцкий В. Шпион в траншее // Радио Свобода. 12 марта 2017 года. Интернет-ресурс: <https://www.svoboda.org/a/28364672.html>

¹⁸ Полухина В. П. Бродский глазами современников. Книга вторая. 1996—2005. СПб.: Звезда, 2006. С. 13

В результате при советской власти население этих республик имело гораздо больше, чем могло себе позволить население России. Отсюда и апломб постперестроечных политиков окраинных государств, которым Россия даровала независимость в 1991 году. За годы советской власти они привыкли к подаркам и восприняли очередной как должное, требуя от России все новых и новых дотаций и уступок.

Таким образом, родившийся и выросший в Советском Союзе Бродский просто не в состоянии был понять постколониальный синдром представителей Запада. По мнению Ле Карре, «у него (Бродского. — О. Г.) вообще затруднения с Западом, а тут трудность высшего порядка»¹⁹.

Размышляя о Суэцком кризисе, укрепившем позиции Советского Союза в этом регионе, Бродский пишет: «После Суэцкого провала (осень 1956) Советский Союз принимает необычайно продуманный и весьма последовательный рывок в направлении восточного Средиземноморья и Северной Африки. Инициатива эта столь же внезапна, сколь и успешна. Как теперь, задним числом, очевидно, целью ее было установление контроля над Ближним Востоком, а если конкретнее, над его нефтеносными районами».

Если Ким Филби для Бродского — «шпион», то под «Суэцким провалом» он имеет в виду крушение планов Великобритании, Франции и Израиля по осуществлению военной агрессии против Египта. Что же планировали члены трехсторонней коалиции? «Во-первых, израильские войска должны были в кратчайший срок достигнуть Суэцкого канала, создав угрозу свободному судоходству по нему и тем самым дать повод для вторжения британских и французских сил. Во-вторых, захватив южную часть Синайского полуострова, острова Тиран и Синнафир, они должны были установить контроль над Акабским и Суэцким заливами. Осуществить эту операцию предполагалось за 7–8 суток. Англо-французские войска, в свою очередь, должны были захватить зону канала и Каир»²⁰.

Однако воплотить эти планы в жизнь не удалось, и в марте 1957 года израильские войска покинули Синай. В результате, пишет Бродский, «в 1950-х гг. этот район чуть было не достался Советскому Союзу. Причиной была созданная возможность». И эту возможность, считает поэт, обеспечил ему Ким Филби, который прекрасно знал не только Ближний Восток, но и Великобританию.

Благодаря этому Советы стремительно «делают рывок на Ближний Восток — в Египет, Сирию, Йемен, Ирак, Ливию, — воспользовавшись созданной возможностью. Они вываливают на арабских лидеров из самолетов и пароходных трюмов лавину своих военных излишков, советников и бог знает чего еще, загоняя их страны в долги. И советники советуют лидерам вздуть цены на нефть, чтобы долги эти выплатить. И лидеры так и поступают: вздувают эти цены — непомерно и безнаказанно, потому что за ними стоят новые неверные с боеголовками. И Запад празднует труса и кричит „ООН!“, но букву „н“ уже опускает», — негодует Бродский.

Повышение цен на нефть — это, конечно, для благополучного Запада настоящая «катастрофа». Чтобы предотвратить ее, он может пойти на любые действия, вплоть до полного уничтожения несговорчивых стран. Это подтвердили и события в Венгрии осенью 1956 года, в организации которых активное участие приняли западные спецслужбы, обеспечившие восставших оружием и специально обученными «добровольцами».

Но Бродский, подводя итог, делает акцент на другом: «И теперь все наши — верные и неверные — вместе ненавидят евреев». А разве не так воспринимали советских солдат в том же 1956 году в Венгрии — союзнице нацистской Германии? Ничего уди-

¹⁹ Там же.

²⁰ Хахалкина Е. В. Суэцкий кризис 1956 г. — поворотный момент британской внешней политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 159.

вительного в этом нет. Вот только Израиль, в отличие от СССР, Египет от Гитлера не освобождал. А Красной армии освобождение Венгрии от фашизма стоило жизни 140 тысячам советских солдат.

Непримирение арабов в «Коллекционном экземпляре» доходит до того, что Бродский, возможно, сам того не подозревая, начинает рассуждать о них в духе британского колониализма. «Ах, мусульмане, мусульмане! Где бы они сейчас были, если бы не советская внешняя политика 1960-х и 1970-х годов, то есть если бы не покойный мистер Филби? <...> — восклицает поэт. — Их бы не взяли даже как фон для верблюдов с сигаретной пачки...»

Действительно, именно в 60-х годах западные компании, разрабатывающие богатейшие нефтяные месторождения на Ближнем Востоке и ничего не вкладывающие в развитие его экономики и социальной инфраструктуры, были поставлены перед необходимостью выплачивать правительству ближневосточных стран половину своей чистой прибыли. В марте 1970 года на VII конференции нефтедобывающих стран в Кувейте было подчеркнуто, что нефть должна быть основной частью государственного плана экономического развития, призванного «развивать и ограждать экономику и доходы» арабских стран. Над месторождениями нефти и природного газа был установлен национальный контроль, нефте- и газопроводы были национализированы, а перед западными монополистами были поставлены условия, непримирение которых грозило им прекращением поставок нефти²¹.

И тут, по мнению Бродского, без помощи мистера Филбина обошлось. Ведь сама по себе «задушевная и ленивая» Россия — такая «неуклюжая, в коричневых шерстяных чулках с широкими розовыми подвязками», к тому же вечно «сомневающаяся, чеховская, иррациональная», — не могла придумать и осуществить столь хитрый план. И что же получается? Сначала эта Россия вконец избаловала свои окраины, а затем покусилась на чужую собственность, пробудив у населения на Ближнем Востоке, с которого Запад традиционно получал хороший доход, обостренное чувство национального самосознания.

В книге «Моя тайная война» Ким Филби рассказывает о том времени: «С 1956 по 1963 год я был на Ближнем Востоке. Западная пресса опубликовала множество измышлений об этом периоде моей работы, но пока я оставляю их на совести авторов. Дело в том, что английской и американской спецслужбам удалось довольно точно воспроизвести картину моей деятельности лишь до 1955 года, а о дальнейшей моей работе им, по всем данным, ничего не известно. И помогать им в этом я не намерен. Придет время, когда можно будет написать другую книгу и рассказать в ней о других событиях. Во всяком случае, для советской разведки было небезынтересно знать о подрывной деятельности ЦРУ и СИС²² на Ближнем Востоке»²³.

Даже если бы Филби решил рассказать об этом, Бродский вряд ли захотел его выслушать. Двадцать лет, которые он прожил на Западе, сделали из него если не сто процентного американца, то человека, выступающего на его стороне и от его имени²⁴.

²¹ Ахмадиев Р. Я. Нефть и газ в экономике стран арабского мира // Ученые записки Казанского гос. университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 147. Кн. 3. 2005. С. 144–157.

²² СИС — Секретная разведывательная служба МИД Великобритании (комментарий мой. — О. Г.).

²³ Филби К. Моя тайная война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1989. С. 190.

²⁴ Справедливости ради отметим, что в то же время, в 1991–1992 годах, Бродский написал и одно из самых загадочных своих стихотворений «На независимость Украины», в котором он выступал исключительно на стороне России. Об историко-политической проблематике этого стихотворения см: Глазунова О. И. Иосиф Бродский: американский дневник. О стихотворениях, написанных в эмиграции. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 314–319. О непростой ситуации, сложившейся вокруг его публикации на Западе, см.: Глазунова О. И. «Нобелевская лекция» Иосифа Бродского: монолог или скрытая полемика? // Нева. 2017. № 12. С. 146–147.

Хотя в юности поэту тоже были не чужды идеалистические устремления. «Каждая эпоха, каждое поколение, — пишет Бродский, обращаясь к западному читателю, — имеет право на собственную утопию, в том числе и эпоха Филби. Конечно, способность сохранять верность чепухе в возрасте, когда уже пора брать ссуду на покупку дома (не говоря уже об уходе на пенсию), озадачивает, однако это можно списать на темперамент или на заболевание органического характера».

Итак, в 1956 году Запад проиграл, но тем сладостнее стала для него победа в 1991-м — та победа, которую Советский Союз сам ему обеспечил. Нечаянная радость приносит гораздо больше удовольствия, чем долгожданная и заслуженная. И у Бродского были все основания разделить ее вместе с Западом. Ведь о том, что происходило в России в то время, он черпал информацию от своих друзей. А их вряд ли занимали разгул бандитизма, межэтнические конфликты, нищета и беспросветность существования, в которые погрузилось население России в 90-е годы. Им было не до этого: они тоже вместе с Западом праздновали его победу.

В свое время в вину Филби ставили гибель албанских эмигрантов, которых в конце 40-х годов ЦРУ и СИС забрасывали в Народную Социалистическую Республику Албанию с тем, чтобы поднять там вооруженный мятеж. Ким Филби, координировавший эту операцию, сообщил о ней в Москву. В результате агентов нашли и расстреляли.

Трагедия? Конечно. Но только теперь, когда СССР не стало, мы узнали, что на самом деле представляют из себя цветные революции. Узнали, кто и зачем их готовит, а главное — узнали, чем они заканчиваются, — гражданскими войнами, огромным количеством жертв, развалом экономики, а иногда и всей страны, повальной нищетой населения. Так что сожалений по поводу того, что произошло в то время в Албании, лично у меня нет.

Не было их и у Кима Филби. В 1988 году в интервью Филипу Найтли он признается: «Сожалений возникать не должно. Да, я сыграл определенную роль в срыве разработанного Западом плана по организации кровавой бойни на Балканах. Но те, кто задумал и спланировал эту операцию, так же, как и я, допускали возможность кровопролития в политических целях. Агенты, которых они направили в Албанию, были вооружены и преисполнены решимости осуществлять акты саботажа и убийства. Поэтому я не испытываю сожаления, что способствовал их уничтожению, — они знали, на что идут. Не забывайте, что ранее я также был замешан в ликвидации значительного числа гитлеровцев, внося таким образом свой скромный вклад в победу над фашизмом»²⁵.

Хотя в 1991 году ни мы, ни Бродский об оранжевых революциях еще не знали. В отличие от Кима Филби, который принимал непосредственное участие в разработке и планировании тайных операций западных спецслужб в мире и отлично представлял их последствия.

Когда Филби спрашивали, что он считает делом своей жизни, он отвечал одним словом «Прохоровка», иногда повторяя его: «Прохоровка, Прохоровка». Действительно, победа Красной армии в самом крупном танковом сражении Второй мировой войны под Прохоровкой стала возможной благодаря представленной Филби информации. Г. К. Жуков, тот самый, которому Бродский посвятил одно из лучших своих стихотворений, координировал действия советских войск. В своих воспоминаниях маршал назвал операцию на Курской дуге «величайшей битвой танкистов, артиллеристов, стрелков и летчиков, особенно ожесточенной на прохоровском направлении»²⁶.

И вот что удивительно: чем дальше читаешь эссе Бродского о Филби, тем больше понимаешь, что в их судьбах есть что-то общее. Приписываемые Филби представления

²⁵ Филби К. Моя тайная война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1989. С. 225.

²⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2. 13-е изд., испр. и доп. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 160.

о России «в коричневых шерстяных чулках с широкими розовыми подвязками» мало чем отличаются от идеалистических представлений об Америке самого поэта до эмиграции.

«Я помню рев, который издала тогда только что открывшаяся, бог знает откуда завезенная американская прачечная-автомат в Ленинграде, когда я бросил в машину свои первые джинсы. — писал Бродский в эссе «Трофейное». — В этом реве была радость узнавания — вся очередь это слышала. И так, с закрытыми глазами, давайте признаем: что-то было для нас узнаваемым в Западе, в цивилизации — может быть, даже в большей степени, чем у себя дома. Более того, как выяснилось, мы были готовы заплатить за это чувство узнавания, и заплатить довольно дорого — всей оставшейся жизнью. Что — не так мало».

И если Филби был «готов на многое, чтобы помочь России — своей бестолковой, но чувственной, задушевной России, России из „Доктора Живаго“ (фильма, не романа)», то на многое ради Америки был готов и Бродский.

Его поражали огромные пробелы в образовании американских студентов. «Когда я сюда, в Штаты, приехал, то сначала у меня нервы расходились сильно. Я думал: в конце концов — кто я такой, как это я буду говорить американцам об ихней же литературе? Ощущение было, что я узурпирую чье-то место. Потому что приехал-то я с представлением, будто здесь все все знают. <...> Выяснилось, что я знаю об американской литературе и, в частности, об американской поэзии ничуть не меньше, чем большинство американских профессоров», — вспоминал Бродский²⁷.

Работая в университете, он делал все, чтобы поднять уровень образования и обучения в США: заставлял неискушенных американских студентов заниматься абсолютно непривычным для них делом — учить наизусть стихотворные тексты, а потом записывать их по памяти; пытался «раскрыть им богатство их собственной поэтической традиции»²⁸; давал многочисленные интервью об искусстве и литературе; занимался чтением публичных лекций. На посту поэта-лауреата Бродский считал своим долгом знакомить американцев с их собственной культурой, настаивал на том, что «антология американской поэзии должна лежать в тумбочке каждого гостиничного номера рядом с Библией» в каждой американской гостинице.

Однако в отличие от Филби, которому Бродский приписывал иллюзии насчет России, у него самого в конце жизни в Америке их уже не было. В «Нескромном предложении» — лекции-эссе, прочитанной в Библиотеке Конгресса США в октябре 1991 года, — поэт предупреждает американскую аудиторию о надвигающейся опасности: «Очень мало лекарств от наследственных недугов (возможно, неразличимых в индивидуальности, но явных в толпе), и то, что я предлагаю здесь, тоже не панацея. Просто я надеюсь, что это предложение, будучи принятым, несколько замедлит распространение культурного упадка в следующем поколении».

В самом конце «Коллекционного экземпляра», когда читаешь, как, по мнению поэта, живет в России «старейшему натурализованному москвичу» Киму Филби,ловишь себя на мысли, что это далеко не фантазии — многие детали в этом сценарии «натурализованный ньюйоркец» Иосиф Бродский заимствовал из своего опыта и своей собственной жизни²⁹.

«Как там у этого как его? — Тютчева! Тютчев его зовут! Как это у него...

²⁷ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Издательство Независимая газета, 2000. С. 158–159.

²⁸ Лонсбери Э. Бродский как американский поэт-лауреат // НЛО. № 56. 2002. Интернет-ресурс: <http://noblit.ru/node/1263>

²⁹ Здесь стоит отметить еще одну любопытную деталь: Иосиф Бродский в США прожил 25 лет. Столько же прожил в Москве и Ким Филби.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

— Dushen'ka! Dushen'ka! Что у нас на ужин? — Ах, дарлинг, я подумала: давай сегодня поужинаем по-английски. Вареное мясо».

Гастрономические и языковые пристрастия формируются в детстве и сохраняются на всю жизнь. И Ким Филби в данном случае не исключение. Например, главной достопримечательностью Манхэттена в Нью-Йорке стал ресторан «Русский самовар», открытый эмигрантом из России Романом Капланом. Бродский любил там бывать, заказывал пельмени, селедку с луком — самые простые блюда русской кухни.

Но едой эти посещения не ограничивались. Многочисленные свидетели рассказывают, что поэт очень «любил петь уже в самые поздние свои годы в Америке, в компании друзей и сторонников, подчас и в нью-йоркском ресторане „Русский самовар“, с сопровождением фортепиано и без оно, — и вовсе не вследствие веселого настроения», и «находил огромное удовольствие в своем более чем любительском пении русских романсов, народных и „советских“ массовых песен его юности. Среди них особо любима им была „Рябина“, где незамысловато сквозит тема разлуки и одиночества: „Как же мне, рябине, к дубу перебраться, — я б тогда не стала гнущься и качаться...“»³⁰

Исполнял Бродский «романсы, песни военных лет. Очень любил „Прощание славянки“ на стихи Галича. Роману он как-то сказал, что слышит этот марш гимном России»³¹. Особую атмосферу в «Русском самоваре» создавал пианист, выпускник Ленинградской консерватории Александр Избицер. О том времени он вспоминал: «Говорил Бродский обычно тихо, поэтому Роман зорко следил, чтобы в ресторане была тишина, чтобы слышно было, как летает муха. В один из вечеров в присутствии Иосифа я тихохонько заиграл „Прощание славянки“. В первый и в последний раз я увидел его взрывным, крайне возбужденным. Он подбежал к роялю: „Люди под этот марш шли на гибель, в лагеря, что же вы так тихо играете?! Откройте крышку!“ — и сам ее открыл, меня не дожидаясь: „Гремите! Бейте по клавишам!“»³²

А вот у Кима Филби в Москве возможности посещать английский ресторан не было, поэтому он довольствовался, как считает Бродский, приготовленным дома «вареным мясом» в английском стиле. Не было у Филби и возможности послушать английскую речь. Поэтому он ловил Би-би-си и «был одним из редких подписчиков „ЛТП“ в Москве». Опять фантазии? Если Филби мог в Москве выписывать «Литературное приложение» к лондонской газете «Times», то, наверное, у него была возможность слушать без помех и английскую радиостанцию. КГБ в состоянии был это ему обеспечить.

И все же, несмотря на отсутствие ресторанов с привычной едой, Ким Филби был вполне доволен жизнью в Москве. В интервью Филипу Найтли он говорит о том, чем для него стала Россия: «Нынешняя Англия для меня чужая страна... Мой дом здесь (в Москве. — О. Г.), и хотя здешняя жизнь имеет свои трудности, я не променяю этого дома ни на какой другой. Мне доставляет удовольствие резкая смена времен года и даже поиск дефицитных товаров»³³.

³⁰ Петрушанская Е. «Музыкальная история» Иосифа Бродского/ Мир Иосифа Бродского. Путеводитель. Сост. Я. А. Гордин. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 122–123.

³¹ Смагаринская О. Александр Избицер: «Бродский пел, но не играл, а Барышников играл, но не пел. Вообразите, каков был бы дуэт!»// Этажи. Литературно-художественный журнал (03.12.2018). Интернет-ресурс: <https://etazhi-lit.ru/publishing/muzykalnaya-gostinaya/841-aleksandr-izbicer-brodskiy-pel-no-ne-igrал-a-baryshnikov-igrал-no-ne-pel-voobrazite-kakov-by-l-by-duet.html>

³² Там же.

³³ Филби К. Моя тайная война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1989. С. 226.

Интересно сопоставить слова Филби о России с высказываем Бродского об Америке. В 1995 году на вопрос, стала ли Америка для него домом, поэт ответил: «В общем, да, я чувствую себя в Америке чрезвычайно естественно. Не скажу, что как рыба в воде, но так не чувствует себя здесь никто»³⁴.

Вдова поэта Мария Соццани-Бродская вспоминает о последних годах его жизни: «Он не хотел возвращаться (в Россию. — О. Г.), поскольку его друзья и так к нему приезжали, чтобы встретиться. Родителей уже не было в живых, страна была другой, вот он и не хотел появляться как некая дива, когда у людей было много больших забот. Его жизнь шла в одном направлении, а возвращения всегда трудны. Если бы пришлось переезжать, мы поехали бы в Италию»³⁵.

Кима Филби похоронили в Москве. Не у Кремлевской стены, где, по мнению Бродского, его следовало похоронить, а на Кунцевском кладбище. Похоронили торжественно, с генеральскими почестями. На надгробном памятнике короткая надпись на русском языке «Ким Филби» и годы жизни.

Иосифа Бродского похоронили в Венеции, на протестантском участке кладбища острова Сан-Микеле, потому что на других участках (католическом и православном) хоронить людей без вероисповедания не разрешалось. И похоронили, надо сказать, вопреки воле поэта.

«Много слухов ходит вокруг смерти, а особенно похорон поэта. Несколько проясняет ситуацию его близкий друг и по совместительству секретарь И. Кутик: „За две недели до смерти он (Бродский. — О. Г.) купил себе место на кладбище. Смерти он боялся жутко, не хотел быть ни зарытым, ни сожженным, его устроило бы, если бы он оказался куда-нибудь замураванным. Так оно поначалу и получилось. Он купил место в маленькой часовенке на ужасном нью-йоркском кладбище, находящемся на границе с плохим Бродвеем. Это была его воля“»³⁶.

Поэт умер в январе 1996-го, но вечное упокоение смог обрести лишь спустя полтора года — летом 1997 года, потому что до этого времени родные и друзья не могли решить, где его хоронить. По словам вдовы поэта, «идею о похоронах в Венеции высказал один из друзей. Это город, который, не считая Санкт-Петербурга, Иосиф любил больше всего».

Через несколько лет на могиле Бродского был установлен скромный надгробный памятник. На нем имя поэта — по-русски и по-английски — и годы жизни. На другой стороне памятника — цитата из древнеримского поэта Проперция: *Letum non omnia finit* (Со смертью не все кончается).

Неизвестно, была ли эта фраза Проперция одобрена самим поэтом, но она тоже оказалась пророческой. И весьма символичной.

«Президент России Б. Н. Ельцин отправил на похороны Бродского огромный букет желтых роз. Михаил Барышников (говорят, что это был именно он) перенес все эти розы на могилу американского поэта Эзры Лумиса Паунда, умершего в Венеции в 1972 году. Ни одного цветка от российской власти на могиле русского поэта не осталось и нет до сих пор. Что, собственно, вполне отвечает его воле»³⁷.

³⁴ В мире изящной словесности. Интервью И. А. Бродского журналу «Америка» (май 1995 года) / Иосиф Бродский. Большая книга интервью. Сост. В. П. Плухина. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Захаров, 2000. С. 624.

³⁵ Римлянин. Беседа с вдового нобелевского лауреата Иосифа Бродского (Нью-Йорк) / Перевод с польского А. Памятных // Газета Выборча (Gazeta Wyborcza), Варшава, 9 мая 2000 г. Интернет-ресурс: <http://iosif-brodskiy.ru/interviu/rimlianin-beseda-s-vdovoi-nobelevskogo-laureata-iosifa-brodskogoniu-iork.html>

³⁶ Нечаев С. Ю. Русская Италия. М.: Вече, 2008. С. 308.

³⁷ Там же. С. 310–311.